

В. М. Рычка

ЗАГАДКА «ОЛЕГОВОЙ МОГИЛЫ»: КИЕВ ИЛИ ЛАДОГА?

Статья посвящена проблеме локализации места погребения князя Олега Вещего, правившего в Киеве при Игоре Рюриковиче в 882—912 гг.

Ключевые слова: «могила Олега», Киев, Щековица, Ладога.

Русь эпохи Игоря и Олега не знала письменных источников. Древнейшая историографическая традиция о них дошла до нас в составе позднейших компиляций. Главным из них является *Повесть временных лет* — грандиозный летописный памятник начала XII в., текст которого с немногими вариациями отразился в нескольких сводах XIV—XV вв. Отличные, но сходные известия из ранней истории Руси представлены также в *Новгородской Первой летописи младшего извода*, сохранившейся в списках XV в. В *Повести временных лет* содержится обстоятельный рассказ о смерти Вещего Олега от своего коня и погребении его в Киеве, «*на горѣ еже глаголется Щековица*». Его могила, отмечает летописец, «*есть же... и до сего дни. слово то могила Ольгова*» (ПСРЛ, 1, стб. 38—39). Сокращённая версия рассказа о смерти Олега представлена в *Новгородской Первой летописи*. В нём говорится о том, что после своего возвращения из похода на Царьград к Игорю в Киев, «*иде Олегъ к Новгороду, и оттуда в Ладогу. Друзи же сказаютъ, яко идуцю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозѣ*» (НПЛ 1950, с. 109).

Разбирая киевскую и новгородскую версии летописного рассказа о смерти Олега, А. А. Шахматов усматривал в нём следы двух источников. В первоначальном виде предание, полагал учёный, не приурочивало смерть Олега к Киеву и не связывало её с возвращением

князя из царьградского похода. Предание о смерти Олега в постулируемом им Древнейшем своде XI в. осталось, по его мнению, не разработанным, оно было занесено из Новгородского севера в киевский Начальный свод в конце XI в. Приурочение его к Киеву принадлежит составителю *Повести временных лет*: «*новгородское предание о смерти Олега в Ладоге и о его могиле в Ладоге... вытеснено в Повести временных лет другим киевским*» (Шахматов 2001, с. 211). Уточняя и развивая построения А. А. Шахматова, Е. А. Мельникова пришла к выводу, согласно которому, сюжет о смерти Олега присутствовал уже в реконструируемом киевском Древнейшем своде, однако в исходном варианте князь погибал не в Киеве, а где-то «за морем». К Киеву данное событие было приурочено значительно позже, при составлении *Повести временных лет*. В предшествовавших ей переработках Древнейшего свода (воображаемые Новгородский и Начальный своды, включившие ряд новгородских известий и преданий), место гибели Олега оказалось перенесённым в Ладогу, связанную с именем Олега (Мельникова 2005, с. 104—105).

Начавшийся между средневековыми летописцами спор о месте погребения Вещего Олега продолжился среди историков нового и новейшего времени. Во второй половине XIX в. киевские археологи-аматоры вдохновлялись идеей поиска могилы Вещего Олега. Профессор и первый ректор Киевского императорского университета св. Владимира М. А. Максимович, вместе с профессором М. Д. Иванишевым искали её на киевских кручах. Упоминание об этих любительских исследованиях содержится в стихотворении Максимовича (1862 г.), посвящённом его коллеге и другу:

Ой изгадай, друже мылий,
Як зо мною ты гуляв
На Скавыци, да шукав
Вищого могылы.

Во время очередной археологической экскурсии в 1856 г., вспоминал позже учёный, «на горе Щековице встретился нам среди несметного множества могил позднейшего времени презанимательный жилец соседнего удоля. Он привёл нас к площадке на северо-восточной стороне горы и сказал: “Тут была могила Олега!”» (Максимович 1871, с. 21). Такая непоколебимая уверенность этого, говоря словами М. А. Максимовича, «любопытного киянина», хотя и вызвала удивление и справедливые сомнения учёного, все же представляет собой весьма примечательное свидетельство народной памяти об Олеге Вещем.

Ещё в середине XIX в. киевляне называли эту возвышающуюся над Подолом с западной его стороны гору Скавиной, Щекавицей. Отождествлению «Скавики» с летописной Щекавицей мы обязаны автору первого систематического труда по истории Киева — М. Ф. Берлинскому (1764—1806). Следуя летописному повествованию об основании города, он полагал, что Кий со своими легендарными братьями построили «замок или город на имя старшего брата, Киев на горе над Днепром, что ныне есть часть Старокиевской горы... Щек поселился немного далее на северо-запад, через буерак, на другом холме Щекавице, от него прозванном, что ныне сльвёт Скавика гора» (Берлинский 1991, с. 28). Эту версию поддержал известный историк, профессор Киевского императорского университета св. Владимира В. Б. Антонович, заявлявший: «Щекавица — это гора, известная теперь под именем Скавики, но ещё в XVII веке сохраняла древнее название Щекавицы» (Антонович 1897, с. 57). На этой возвышенности учёные локализовали и безуспешно, как свидетельствует случай М. Максимовича, искали Олегову могилу.

Это мнение было оспорено П. Г. Лебединцевым, предложившим искать Олегову могилу не на Щекавице, а на западном склоне Старокиевской возвышенности, называемом Кудрявец, напротив реки Лыбеди, вблизи «Жидовских» (Львовских) ворот средневекового Киева (Лебединцев 1879, с. 22—27). Для обоснования такой локализации исследователь привлек ряд известий Киевской летописи о событиях середины XII в., в которых упоминается «Могыла Ольгова». Они содержатся в летописных статьях 1146, 1150, 1151 и 1169 гг. Наиболее ярким свидетельством для понимания местонахождения Олеговой Могилы является летописный рассказ 1151 г. об отражении наступавших на Киев рати суздальского князя Юрия Владимировича и союзных ему черниговских князей войсками Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича.

«Вячьслав же Изяслав и Ростиславъ. поидоша от Треполя Киеову. черещ Борокъ. якоже идуща Вячеславъ. Изяслав. не ходяща. в городъ. стаща товары перед Золотыми вороты. оу Языны. а Изяславъ Давичъ ста межи Золотыми вороты и межи Жидовскими. противу Бориславлю двору. а Ростислав съ сыном своимъ Романомъ ста предъ Жидовскими вороты. и много множество с ними. а Городеньский. Борисъ оу Лядскихъ ворт. Кияне же всеми своими силами и на конѣхъ и пѣши и тако стаща а промежи князи сѣмо стаща от Вячеслава. от Изяслава по правоу. оли до Изяслава и до Ростислава. а от Ростислава оли и до Олговы могилы а по лѣвоу Вячьслава и Изяслава. оли до Лядскихъ вортъ и тако стаща около всего города. многое множество. и ото чина же и Володимерь приде. съ всеми Черными Клобукуы... Вячьслав же Изяславъ и Ростиславъ. повелеша Володимироу поити с Берендѣи с вѣжами. и съ стады их. поити к Олговѣ. и стаща мѣжи дѣбрьми. от Олговы оли и въ огород святого Ивана а сѣмо оли до Щковиць. а Кооуеве и Торчи. и Печенѣзи. тоуда стаща от Золотыхъ вортъ по тѣмъ огородамъ. до Лядскихъ ворт. а оттолѣ оли и до Клова. и до Берестоваго и до Оугорскихъ ворт. и до Днѣпра» (ПСРЛ, 2, стб. 427—428).

Из этого летописного описания явствует, заключал П. Г. Лебединцев, что Олегова Могила «ясно различается от Щекавицы; представляется отделенной от Щекавицы оврагами и полагается в недалёком расстоянии от Жидовских ворот» (Лебединцев 1879, с. 24).

Объяснение этого противоречия в показаниях летописных источниках было предложено одним из лучших знатоков исторической топографии древнего Киева Н. И. Петровым. Им было высказано предположение, что под именем Щекавицы следует рассматривать не одну только Подольскую возвышенность, но и всю совокупность окружающих её местностей: «древняя Щекавицкая гряда гор и возвышенностей простиралась с востока на юго-запад от нынешней Щекавицы до астрономической обсерватории включительно¹. С другой стороны, название Щекавицы прилагалось и к другим топографическим пунктам, лежавшим на север от Старого города». Щекавица, — утверждал исследователь, — «обнимала всю нынешнюю Щекавицкую возвышенность между Юрковицею и Глубочицею, захватывая и эту последнюю с прилегавшею к ней Кудрявскою долиною, а с запада и северо-запада ограничиваемая была нынешнюю Львовскою и Дорогожицкую улицами» (Петров 1897, с. 6, 26).

Не отрицая возможности такого объяснения, В. Б. Антонович полагал, что в XII в. в

1. В конце XIX в. университетская обсерватория располагалась вблизи Львовской площади, где локализуются «Жидовские ворота».

Киеве было две Олеговы могилы, «скрывающиеся останки двух Олегов, княживших в IX—X столетиях и слившихся в одно коллективное лицо в народном предании XII века» (Антонович 1897, с. 57). Однако, все летописные упоминания Олеговой Могилы, как заметил А. П. Толочко, указывают на то, что она была единственным в Киеве топонимом с соответствующим названием (Толочко 1997, с. 154). Исследователь подверг сомнению, ставшую традиционной в историографии идентификацию Щекавицы со Скавицей и определил по летописным источникам более точные ориентиры для локализации как Олеговой Могилы, так и Щекавицы. Им установлено, что Олегова Могила находилась на Кудрявце, непосредственно на пути перед Жидовскими воротами летописного «Копырева конца», ближе к его юго-западным склонам, обращённым к долине р. Лыбиди (Толочко 1997, с. 155, 157). Отмеченное территориальное совпадение Щекавицы с «Копыревым концом» свидетельствует о том, что это название изначально охватывало не только одну из возвышавшихся над Подолом гор, но и другие ветви Старокиевской возвышенности, в частности, прилегавшего к городским стенам неукреплённой части нынешнего Кудрявца. Общее для всей этой территории название Щекавица стало постепенно расчленяться в связи с развёрнувшимся в XVIII в. градостроительством и возникновением собственных названий для наименования новых городских районов.

Кончина Олега, очевидно, побудила его сподвижников задуматься над выбором подobaющего для сооружения над его могилой величественного кургана места. В представлениях древних скандинавов могилы предков обеспечивают счастье и славу потомков. Им, наверно, показались тесными склоны Лысой горы (Юрковицы), где вблизи «города» Олега уже был заложен языческий некрополь. Этим обстоятельством, возможно, и был предопределён выбор, возвышавшегося над Подолом, в верховьях реки Глубочицы яркой по своей красоте местности, называемой Кудрявцем. Насыпанный в X в. могильный холм был, наверно, достаточно внушительных размеров, чем и объясняется сравнительно долгая жизнь «Олеговой Могилы» в киевском топонимиконе.

В. Л. Комарович полагал, что Олегова Могила ещё в XI—XII вв. сохраняла своё сакральное значение и была хорошо известна киевлянам. Находившаяся в уединённом месте на окраине города она, по его мнению, «продолжала оставаться средоточием культа Рода, с периодическими пирами-поминками, тризнами-боями и «плачами». Древнерусское языческое родопочитание представлялось исследователю значимым культурно-историческим явлением, которое не ограничивалось доисторическим родоначальником Кием: «в обновлённом виде тот же культ возродился снова, в историчес-

кое уже время, над могилой Олега, основателя Киевского государства и родоначальника княжеской династии» (Комарович 1960, с. 97). Во время составления *Повести временных лет* подобные языческие практики, которые, по мнению В. Л. Комаровича, «мог наблюдать Нестор» стали уже, как представляется, достоянием далёкого прошлого.

Вместе с тем, курганы оставались объектом почитания в Древней Руси. Вокруг них формировались кладбища, здесь совершались некие обряды и инициации. Таковым был обычай «сидения на курганах». Выявив его сходство со скандинавским обычаем «сидения» и «скатывания» с кургана при смене социального статуса, Ф. А. Андрощук продемонстрировал близость древнерусского обряда интронизации князей со скандинавской традицией (Андрощук 2003, с. 5—9). При этом надо заметить устрашающим восклицательным знаком, что во всех случаях упоминания Олеговой Могилы в летописных источниках, она выступает исключительно в значении топографического признака — приметой урбанистического пейзажа средневекового Киева. Столь же приметной оставалась она и в более позднее время, о чём свидетельствует, зафиксированный профессором Киевской духовной академии П. А. Лашкаревым случай из истории киевского кладоискательства.

В сентябре 1878 г. двое неких киевских мещан-кладоискателей испросили разрешение городских властей произвести поиски на горе Кудрявец в усадьбе, принадлежащей «митрополитанскому дому», занятой в то время огородом. Их вожделенное внимание привлёк «стоявший в конце огорода на самой окраине выдающийся к Подолу горы значительного объёма курган. ...В пяти-шести сажнях к западу и северо-западу начинался крутой обрыв ущелья, по которому идёт так называемый Вознесенский (Иларионовский) спуск, делающий в этом пункте поворот к Подолу; обрыв скрывает местность кургана от всяких переходных и проезжих и придавал ей особый характер уединения. Ближайшая обстановка кургана, наводившая на мысль, что в нем есть что-то, привлекавшее к нему в былые времена внимание, уединённое и вместе выдающееся положение его на отроге горы, вдвигающемся в промежуток, оставленный двумя другими, в преданиях знаменитыми киевскими горами — Щекавицею и Уздыхальницею (она же Киселевка, Замковая гора), в связи с какими-то темными рассказами о киевских кладах, и направили искателей последних именно на курган» (Лашкарев 1898, с. 161).

Когда слухи об этих аматорских раскопках дошли до членов Церковно-Археологического общества Киевской духовной академии, курган уже был разрыт: «он оказался состоящим из кирпичного и известкового щебня и мусора, от времени только закрывшегося сверху нано-

сною пылью и обросшего дёрном, а вместо ожидаемого клада обнаружил внутри остатки стен древнего здания». П. А. Лашкарев не был профессиональным археологом, да и сама методика раскопок оставалась несовершенной. Он не сомневался в том, что снесённый курган был не погребальным сооружением, а «могилой, послужившей для одной из древнейших церквей Киева». П. А. Лашкарев знал о том, что местность, где возвышался курган, местные жители называют «Ольговою могилою». Однако, это не насторожило учёного, полагавшего, что это название, «слышанное нами из уст простой женщины, могло произойти независимо от первоначального вида местности, где стояла церковь» (Лашкарев 1898, с. 164). Теперь, когда находки из раскопок этого кургана частично утеряны трудно судить о его предназначении. Но, засвидетельствованный документально сам факт его существования на киевском Кудрявце в конце XIX в. и сохранившееся в памяти киевлян название, прилегавшей к нему местности Ольговой / Олеговой могилой весьма примечательно.

Эта страничка из истории киевской археологии осталась не замеченной такому авторитетному знатоку киево-русских древностей, каким был академик Б. А. Рыбаков. Олегова могила, помещённая летописцем в Киеве на Щекавице, по его мнению, «является позднейшим осмыслением каких-то киевских топонимических примет, так как более ранний свод 1093 г., составленный тоже в Киеве, уводит Олега далеко на север, куда-то не то в Ладогу, не то в Швецию и ни слова не говорит о погребении в Киеве» (Рыбаков 1963, с. 179). Тем самым тогдашний лидер отечественной исторической науки допускал возможность обрести могилу Олега Вещего в Ладоге.

Версия Олеговой смерти в Ладоге привлекательна тем, что замыкает апокрифическим сонетом круг жизни Вещего князя. Здесь началось его княжеская служба и порванной струной отозвалась весть о его кончине. Одна из ладожских сопки, — центральная и самая монументальная, — получила в незапамятные времена название «Олегова Могила». В своё время А. И. Лященко полагал, что это была не могила в строгом смысле этого слова, а поминальный холм. Его насыпали, узнав о смерти князя, горожане для совершения тризны (Лященко 1925, с. 272—273). Эта курганная насыпь, по мнению исследователя, и сохранила «до времён летописцев» название Олеговой могилы.

Последняя, однако, почему-то осталась незамеченной, посетившим Ладогу около 1114 г. киевским летописцем. В составленной им статье 6622 (1114) года сообщается о развернувшемся тогда в Ладоге каменном строительстве: «В се же льто зложена бысть Ладога. камениемъ. на приспи Павломъ посадником. при князѣ

Мьстиславѣ». Далее следует, поразившее воображение автора описание чудесных находок, вымываемых Волховом из древнейшего культурного слоя Ладоги: «пришедшо ми в Ладогу повѣдаша ми Ладожане. яко сдѣсть егда будеть туча велика находять дѣти наши глазкы стекляныи. и малыи и великыи повертань. а другыя подлѣ Волховѣ беруть. еже выполаскываеть вода от них же взяхъ боле ста. суть же различь... сему же ми естъ послухъ посадникъ Павелъ Ладожкыи и вси Ладожане» (ПСРЛ, 2, стб. 276—277).

«Олегова Могила», ставшая *genius loci* Ладоги, была исследована археологами. В основании курганной насыпи было выявлено захоронение, совершенное по обряду кремации. Оно относится, как выяснилось, к более раннему (IX в.) времени, чем предполагаемая дата смерти Олега. Поскольку «могилой», т. е. местом погребения киевского князя эта насыпь быть не могла, Г. С. Лебедевым было предложено видеть в ней «Олегов Холм» — «ритуальное седалище, на котором отправлялись некие общественные и культурные функции». Предание о смерти Олега в Ладоге от коня и змеи, Г. С. Лебедев предложил рассматривать как некую «фольклорную редакцию древнего ритуала, в свою очередь воспроизводящего какой-то языческий миф. Воплощение мифа в ритуале и соединение этой сакральной функции с политической и было миссией, обеспечившей Олегу особый статус: “бе бо Ольгъ вещей”, это был князь-жрец» (Лебедев 1985, с. 215).

Несмотря на сопротивление исторических источников призрак Олега Вещего обретает в Ладоге зримые черты. В конце прошлого века на упоминаемой выше насыпи у Старой Ладоги был установлен камень с мемориальной табличкой: «Уникальный памятник археологии IX—X в. Могила древнерусского князя Вещего Олега». Далее надпись поясняет, что это был «знатный варяжский правитель, сподвижник Рюрика. Объединил во время военных походов Новгородские земли с Киевским княжеством, создав державу, которую стали называть государством Русь. Создатель Киевского государства, первой столицей которого была Старая Ладога». Похоже, что «Могила Олега» у Ладоги, как и так называемая могила Труво-ра близ Изборска, «весьма подозрительна, как позднее изделие, не связанное ни с местным фольклором, ни с какими бы то ни было данными древней псковской письменности» (Рыдзевская 1978, с. 108). Их отсутствие восполнено арсеналом археологических артефактов. В музее Старой Ладоги среди прочих археологических экспонатов хранится, по словам профессора А. Н. Киршичаникова, погубивший Олега лошадиный череп, а также полозья от саней княгини Ольги. Но я скорее разделяю взгляд лорда Бэкона, который говорил, что воображение весьма родственно вере, творящей чудеса.

ЛИТЕРАТУРА

Андрощук, Ф. А. 2003. К истории обряда интронизации древнерусских князей («сидение на курганах»). В: *Дружнині старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Матеріали Міжнародного польового семінару (Чернігів—Шестовиця 17—20 липня 2003 р.)*. Чернігів: Сіверянська думка, с. 5-9.

Антонович, В. Б. 1897. Публичные лекции по геологии и истории Киева. В: *Публичные лекции по геологии и истории Киева, читанные профессорами П. Я. Армашевским и Вл. Б. Антоновичем в Историческом обществе Нестора летописца в марте 1896 года*. Киев: К. Н. Милевский.

Берлинський, М. Ф. 1991. *Історія міста Києва*. Київ: Наукова думка.

Комарович, В. Л. 1960. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР*, XVI, с. 84-101.

Лашкарев, П. 1898. *Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты*. Киев: И. И. Чоколов.

Лебедев, Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки*. Ленинград: ЛГУ.

Лебединцев, П. Г. 1879. Какая местность в древности называлась Олеговой Могилой? *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца*, I, с. 22-27.

Лященко, А. И. 1925. Летописные сказания о смерти Олега Вещего. *Известия Отделения русского языка и словесности РАН*, XXIX, с. 254-288.

Максимович, М. 1871. *Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде*. Санкт-Петербург: А. Траншел.

Мельникова, Е. А. 2005. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях. В: Сахаров, А. Н. (ред.). *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову*. Москва: Паломнический центр Московского Патриархата, с. 95-108.

НПЛ. 1950. *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов*. Ред. и с предисловием Насонов, А. Н. Москва; Ленинград: АН СССР.

Петров, Н. И. 1897. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. Киев: Императорский университет св. Владимира.

ПСРЛ. 1962. *Полное собрание русских летописей*. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Ленинград: Восточная литература.

ПСРЛ. 2001. *Полное собрание русских летописей*. 2: Ипатьевская летопись. Москва: Языки славянской культуры.

Рыдзевская, Е. А. 1978. *Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (материалы и исследования)*. Москва: Наука.

Рыбаков, Б. А. 1963. *Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи*. Москва: Наука.

Толочко, О. 1997. Замітки з історичної топографії до монгольського Києва. *Київська Старовина*, 5, с. 152-167.

Шахматов, А. А. 2001. *Разыскания о русских летописях*. Москва: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле.

REFERENCES

Androshchuk, F. A. 2003. K ystoryy obriada yntronyzatsyy drevnerusskykh kniazey («sydenye na kurhanakh»). In: *Druzhynni starozhytnosti Tsentralno-Skhidnoi Yevropy VIII—XI st. Materialy Mizhnarodnoho polovoho seminaru*

(Chernihiv—Shestovytsia 17—20 lypnia 2003 r.). Chernihiv: Siverianska dumka, s. 5-9.

Antonovich, V. B. 1897. Publichnye leksii po geologii i istorii Kieva. In: *Publichnye leksii po geologii i istorii Kieva, chitannye professorami P. Ia. Armashovskim i Vl. B. Antonovichev v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa v marte 1896 goda*. Kiev: K. N. Milevskij.

Berlynskiy, M. F. 1991. *Istoriia mista Kyieva*. Kyiv: Naukova dumka.

Komarovich, V. L. 1960. Kult roda i zemli v kniazheskoi srede XI—XIII vv. *Trudy oddela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury AN SSSR*, XVI, s. 84-101.

Lashkarev, P. 1898. *Tserkovno-arkheologicheskie ocherki, izsledovaniia i referaty*. Kiev: I. I. Chokolov.

Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope. Istoriko-arkheologicheskie ocherki*. Leningrad: LGU.

Lebedintsev, P. G. 1879. Kakaia mestnost v drevnosti nazyvalas Olegovoi Mogiloi? *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*, I, s. 22-27.

Liashchenko, A. I. 1925. Letopisnye skazaniia o smerti Olega Veshchego. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti RAN*, XXIX, s. 254-288.

Maksimovich, M. 1871. *Pisma o Kieve i vospominanie o Tavride*. Sankt-Peterburg: A. Transhel.

Melnikova, E. A. 2005. Siuzhet smerti geroia «ot konia» v drevnerusskoi i drevneskandinavskoi traditsiiakh. In: Sakharov, A. N. (ed.). *Ot Drevnei Rusi k novoi Rossii. Iubileinyi sbornik, posviashchennyi chлену-korrespondentu RAN Ia. N. Shchapovu*. Moskva: Palomnicheskij tsentr Moskovskogo Patriarkhata, s. 95-108.

NPL. 1950. *Novgorodskaiia Pervaia letopis starshego i mladshego izvodov*. Ed. and foreword Nasonov, A. N. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Petrov, N. I. 1897. *Istoriko-topograficheskie ocherki drevnego Kieva*. Kiev: Imperatorskij universitet sv. Vladimira.

PSRL. 1962. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. 1: Lavrentevskaia letopis i Suzdalskaia letopis po Akademicheskomu spisku. Leningrad: Vostochnaia literatura.

PSRL. 2001. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. 2: Ipat-evskaia letopis. Moskva: Iazyki slavianskoi kultury.

Rydzevskaia, E. A. 1978. *Drevniia Rus i Skandinaviia v IX—XIV vv. (Materialy i issledovaniia)*. Moskva: Nauka.

Rybakov, B. A. 1963. *Drevniia Rus: Skazaniia. Byliny. Letopisi*. Moskva: Nauka.

Tolochko, O. 1997. Zamitky z istorychnoi topografii do monholskoho Kyieva. *Kyivska Starovyna*, 5, s. 152-167.

Shakhmatov, A. A. 2001. *Razyskaniia o russkikh letopisiakh*. Moskva: Akademicheskii Proekt; Zhukovskii: Kuchkovo pole.

В. М. Ричка

ЗАГАДКА «ОЛЕГОВОЇ МОГИЛИ»: КИЇВ ЧИ ЛАДОГА?

Викладена у Повісті временних літ під 912 р. історія про незвичайні обставини смерті київського князя-язичника Олега Віщого прив'язується до сучасних його автору київських топографічних реалій, зокрема, топоніму «Олегова Могила», відомого також за даними інших джерел. За свідченням цього літопису Олегова Могила знаходилася на горі Щековиця, але точної локалізації останньої не подається. Ще в середині XIX ст. Щековицею, Скавицею кияни називали узвишся, що здіймалося над Подолом із західного його боку. У працях тогочасних вчених-києвознавців ця височина односторонньо ототожнювалася з літописною Щековицею, де і локалізували могили Віщого Олега.

Ця точка зору була оспорена П.Г. Лебединцевим, який запропонував локалізувати Олегову Могили не на Щековиці/Скавиці, а на західному схилі Старокиївського плато, на Кудрявці, навпроти річки Либеді, поблизу «Жидівських» (Львівських) воріт середньовічного Києва. На основі аналізу відомостей Київського літопису вчений дійшов висновку згідно якого, топонім «Олегова

Могила» відокремлюється у літописних джерелах від Щековиці. Пояснення цього протиріччя в показаннях літописних джерел було запропоновано одним з кращих знавців історичної топографії стародавнього Києва М.І. Петровим. Ним було висловлено припущення, що під ім'ям Щековиці слід розглядати не одну тільки Подільську височину, але і всю сукупність оточуючих її ярів і високостей. Давня Щековицька гряда гір і височин простягалася зі сходу на південний захід від нинішньої Щековиці до околиць сучасної Львівської площі. Загальна для всієї цієї території назва Щековиця стала поступово розпадатися у зв'язку з масштабним будівництвом міста, що розгорнулося у XVIII ст. і виникненням власних назв для найменування нових міських районів.

Популярною в історіографії, передусім російській, залишається й версія смерті та поховання Віщого Олега в Ладозі, де одна із центральних і найбільших сопок дістала назву «Олеговой Могили». Цей курганний насип було досліджено археологами. У підґрунті курганного насипу було виявлено поховання, здійснене за обрядом кремації. Воно відноситься, як з'ясувалося, до ранішого (IX ст.) часу, ніж дата смерті Олега. Оскільки «могилою», тобто місцем поховання київського князя цей насип бути не міг, Г.С. Лебедевим було запропоновано добачати у ньому «Олегів Пагорб» — «ритуальне сидалище», на якому відправлялися якісь громадські та культові функції. Незважаючи на гіпотетичність такого тлумачення привид Олега Віщого знаходить в Ладозі зримі риси. В кінці минулого століття на згаданому вище насипі в Старій Ладозі було встановлено камінь з меморіальною табличкою з написом, що проголошує цей пам'ятник археології IX—X ст. «Могилою» князя Олега Віщого.

Вміщена у Повісті временних літ під 912 р. літописна оповідь про смерть київського князя-язичника Олега Віщого «від коня» була складена, як уявляється, за мотивами якоїсь архаїчної міфологічної пісні або історичного анекдоту. Вона підкуповує своєю не фактологічною, а психологічною достовірністю. Проте, немає підстав сумніватися в тому, що Олег помер у Києві. Кончина увінчаного війсьською славою князя, спонукала його сподвижників задуматися над вибором гідного для спорудження над його могилою величного кургану місця. Їм, напевно, видалися затісними схили Лисої гори (Юрковиці), де поблизу «двору-граду» Олега вже було закладено язичницький некрополь. Цим, можливо, і був зумовлений вибір серед високостей, що підносяться над Подолом, яскравої за своєю красою місцевості на Кудрявці у верхів'ях річки Глибочиці. Насипаний в X ст. могильний пагорб був, напевно, досить значних розмірів, чим і пояснюється порівняно довге життя «Олеговой Могили» в київському топоніміконі.

Ключові слова: «могила Олега», Київ, Щекавиця, Ладога.

V. M. Rychka

THE MYSTERY OF «OLEH TOMB»: KYIV OR LADOGA?

Described in Primary Chronicle under 912 the story of the unusual circumstances of the death of Kyiv pagan prince Oleh the Prophetic is connected to Kyiv topographic realities, contemporary for chronist, in particular, to the toponym «Oleh Tomb», also known from other sources. According to this chronicle Oleh Tomb was placed on the hill Shchekovytsya but the exact localization of the latter is not provided. In the middle of the 19th century Kyiv people called Shchekovytsya the high hill rising over the Podil on

the west side. In the works of the later Kyiv scholars this hill was unequivocally identified with Chronicle Shchekovytsya where they localized the grave of Oleh.

This view was challenged by P. G. Lebedyntsev who suggested localize the Oleh Tomb not on Shchekovytsya / Skavitsya but on the western slope of the Starokyivsky Plateau, on Kudryavka, opposite the Lybid' River, near the Zhidovsky (Lviv) Gate of Medieval Kyiv. Basing on the analysis of Kyiv Chronicle information the scientist concluded that the toponym «Oleh Tomb» is separated from Shchekovytsya in the annals. The explanation of this contradiction in the chronicle was proposed by one of the best experts in the historical topography of Old Kyiv — M. I. Petrov. He suggested that under the name of Shchekovytsya one should consider not only the Podil hill but also all surrounding ravines and highlands. The Shchekovytsya ridge of mountains and hills stretched from the east to the southwest from the present Shchekovytsa hill to the edge of the present Lviv Square. The common for whole this territory name Shchekovytsya became gradually decay due to the large scale construction of the city in the 18th century and the appearance of proper names of new urban areas.

The version of the death and burial of Oleh in Ladoga where one of the central and largest hills got the name «Oleh Tomb» is still popular in historiography, especially Russian. This mound was explored by archaeologists. The cremation burial was discovered under the barrow. It was dated to earlier (9th century) time than the date of Oleh death. Because of the impossibility of this «grave» to be burial place of the Prince of Kyiv, G. S. Lebedev has proposed to consider it the «Oleh Hill» — a «ritual seat» which had some public and religious functions. Despite the hypothetical nature of such interpretation the ghost of Oleh finds the visible features in Ladoga. At the end of the last century in Old Ladoga the stone was erected on that mound with a memorial plaque proclaiming this site of the 9th—10th centuries «The tomb of Prince Oleh the Prophetic».

The story of the death of Kyiv pagan prince Oleh the Prophetic «due to horse» contained in the Primary Chronicle under 912 was compiled, apparently, on the base of some archaic mythological song or historical anecdote. It wins over not its factual authenticity but psychological one. However, there is no reason to doubt that Oleh died in Kyiv. The death of the prince, who was crowned with warrior glory, prompted his followers to muse about the choice of a place for the building of the great barrow over his grave. The slopes of the Lysa Gora (Yurkovytsia), where the pagan necropolis had already been laid near Oleh courtyard, probably seemed them to be cramped. This may have been the reason for choosing among the highlands, which rise above the Podil, the beautiful terrain of Kudryavka in the upper reaches of the Hlybochytsa river. The barrow built in the 10th century was probably quite large which explains the relatively long life of «Oleh Tomb» in the Kyiv toponimic.

Keywords: «Oleh Tomb», Kyiv, Shchekovytsya, Old Ladoga.

Одержано 31.07.2019

РИЧКА Володимир Михайлович, доктор історичних наук, професор, головний науковий співробітник, Інститут історії України НАН України, вул. Грушевського, 4, Київ, 04001, Україна.

RYCHKA Volodymyr M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, the Institute of History of Ukraine NAS of Ukraine, Hrushevskogo str., 4, Kyiv, 04001, Ukraine.

ORCID: 0000-0001-8037-4106; e-mail: wotr@ukr.net.